

ДЕМИД МОЛЧАНОВ

**РЕТРАРХ.
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНАЯ
СИСТЕМА
ПРОТОСЛАВЯН**

ТЕОРИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО
ПРОЦЕССА. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ
СОСТОЯНИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

Демид Молчанов
Ретрарх. Предсказательная
система протославян.
Теория фундаментального
процесса. Базовые понятия
состояний его развития

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144482
ISBN 9785449365415

Аннотация

Анализ различия понятий систем Таро, Книги перемен и германо-скандинавских рун выявил ряд закономерностей и позволил выделить двадцать одно обобщенное понятие, присущее в равной степени всем трем системам. Позже мне довелось прочитать работы лингвистов, посвященные исследованию истоков славянской письменности. Тогда на основе двадцати одного базового понятия систем и двадцать одной основной руны древней Ретры и родилась система Ретрарх.

**Ретрарх. Предсказательная
система протославян
Теория фундаментального
процесса. Базовые понятия
состояний его развития**

Демид Молчанов

© Демид Молчанов, 2018

ISBN 978-5-4493-6541-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
В качестве предисловия.

В конце 18 и начале 19 века Германия, преодолевая экономическую и политическую отсталость, приближалась к буржуазной революции, и «подобно тому, как во Франции в 18 веке, в Германии в 19 веке философская революция предшествовала политическому перевороту». Маркс рассматривал немецкую классическую философию как немецкую теорию французской революции.

Важную роль в формировании немецкой философии сыграли достижения естествознания и общественных наук: стали развиваться физика и химия, продвинулось вперед изучение органической природы. Открытия в области математики, позволившие понять процессы в их точном количественном выражении, учение Ламарка об обусловленности развития организма окружающей средой, астрономические, геологические, эмбриологические теории, а также теории развития человеческого общества - все это со всей остротой и неизбежностью выдвигало на первый план идею развития как теорию и метод познания действительности.

Одним из величайших умов человечества, основоположником классического немецкого идеализма, возродившим идеи диалектики, был И. Кант (1724-1804). Именно с Канта началась философия новейшего времени. Но не только в философии, но и в науке. Он считал, что для того чтобы решить проблемы бытия, морали и религии нужно знать возможности человеческого познания и установить его границы. Необходимые условия познания заложены в самом разуме и составляют основу знания. Они придают знанию характер необходимости и всеобщности. Он различал воспринимаемые человеком явления вещей, и вещи как они существуют сами по себе. Мы познаем мир не так, как он есть на самом деле, а только так, как он нам является. Нашему знанию доступны только явления вещей (феномены), составляющие содержание нашего опыта. В результате воздействия «вещей самих по себе» на органы чувств возникает хаос ощущений. Приводим мы этот хаос в единство и порядок силами нашего разума. Миру явлений соответствует независимая от человеческого сознания сущность вещей - «вещи сами по себе». Абсолютное познание их невозможно. Они для нас только ноумены, т. е. умопостигаемая, но не данная в опыте сущность.

Кант был убежден, что идеи пространства и времени человеку известны прежде восприятия. Пространство и время идеальны, а не реальны. Чувственные впечатления связываются между собой посредством суждений, в основе которых лежат категории, т. е. общие понятия, которые по Канту, суть «чисто логические» формы, характеризующие только «чистое мышление», а не его предмет. В своем учении о познании Кант большое место отводил диалектике: противоречие рассматривалось им как необходимый момент познания. Но диалектика для него - лишь гносеологический принцип, она субъективна, т. к. отражает только противоречия мыслительной деятельности. Именно потому, что в ней противопоставляется содержание занятий и их логическая форма и предметом диалектики становятся сами эти формы в их отрыве от содержания знаний, Ленин назвал логику Канта «формальной».

Немецкая классическая философия после Канта разрабатывалась такими выдающимися философами, как И. Г. Фихте (1762-1814) и Ф. Шеллинг (1775-1854). Оба стремились преодолеть кантовское противопоставление феномена и ноумена, обосновав познавательную активность в некотором едином принципе - в абсолютном Я (Фихте) и в абсолютном тождестве мышления и бытия (Шеллинг). Последний дал тонкий анализ категорий диалектики, в частности свободы и необходимости, тождества, единого и многого и др., послужив предтечей гегелевской объективно-идеалистической диалектики. Его изыскания в области философии природы оказали большое влияние на умы естествоиспытателей, а также на русскую философию.

Высшим достижением немецкой классической философии являлась диалектика Гегеля (1770-1831). Характеризуя историческое место Гегеля в развитии философии, Энгельс писал: «Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга

миропонимание и соответствующий ему диалектический метод исследования. Гегель разрабатывал диалектику как философскую науку, обобщающую всю историю познания и исследующую наиболее общие закономерности развития объективной действительности. В особенности же Гегель стремился исследовать и всесторонне обосновать важнейшие принципы диалектического способа мышления, в корне противоположного метафизике. Подвергнув глубокой и основательной критике метафизический метод, Гегель сформулировал, правда, в идеалистической форме, законы и категории диалектики.

Опираясь на диалектические идеи Канта, Фихте, Шеллинга, развивая их, Гегель вместе с тем отвергает ряд ошибочных положений, содержащихся в учениях этих мыслителей. Гегель справедливо расценивает кантовскую попытку исследовать человеческую способность познания вне истории познания, вне реального ее применения как бесплодную схоластическую.

Столь же определенно выступил Гегель против субъективизма Канта и Фихте. Природа, по Гегелю, существует независимо от человека, а человеческое познание обладает объективным содержанием. Отвергая кантовское субъективистское противопоставление сущности и явления, Гегель учил, что явления столь же объективны, как и сущность, сущность является, т.е. обнаруживается в явлении, ввиду чего и явление существенно. Познавая явления, мы тем самым познаем и сущность.

Исходя из диалектического положения о единстве сущности и явления, Гегель отверг кантовское учение о непознаваемости «вещи в себе»; в природе вещей нет никаких непреодолимых преград для познания. «Скрытая сущность вселенной не обладает в себе силой, которая была бы в состоянии оказать сопротивление дерзновению познания, она должна перед ним открыться, развернуть перед его глазами богатства и глубины своей природы и дать ему наслаждаться ими».

Гегель резко критиковал Шеллинга за недооценку роли логического мышления и логики вообще, за интуитивизм, который в конечном итоге привел Шеллинга к откровенному иррационализму. Однако, будучи идеалистом, Гегель не смог подвергнуть критике основной идеалистический порок своих ближайших предшественников: для него, также как и для других идеалистов, природа является производным от сверх природного духа. Именно поэтому Гегель не смог решить тех великих диалектических проблем, которые были поставлены предшественниками его собственной философии.

Он полагал, что ни материя, ни сознание человека не могут рассматриваться как первичное, ибо сознание невозможно логически вывести из материи, а материя также не выводима из человеческого сознания, которое само должно быть понято как результат предшествующего развития абсолютного субстанциального первоначала.

Гегель отвергает утверждение Шеллинга о том, что первоначало должно быть мыслимо как абсолютное тождество субъективного и объективного, исключаящее какое бы то ни было различие между ними. Тождество и различие - диалектические противоположности, неотделимые друг от друга.

Первоначальное тождество, образующее субстанциальную основу мира, есть, по Гегелю, тождество мышления и бытия, в котором, однако, изначально наличествует различие между объективным и субъективным, но само это различие существует лишь в мышлении. Мышление, по Гегелю - это не только субъективная, человеческая деятельность, но и независимая от человека объективная сущность, первооснова, первоисточник всего существующего. Вот здесь и выходят на авансцену первые две руны Ретрарха. «Первотворчество» и «Творящая материя». Мышление и бытие. И двадцать вторая руна, «Врата», она же - мышление. А «сначала было Слово» - это как раз «Первотворчество».

Мышление, утверждает Гегель, «отчуждает» свое бытие в виде материи, природы, которая есть «инобытие» этого объективно существующего мышления, именуемого Гегелем «объективной материей». С этой точки зрения, материя не существует независимо от мышления.

Стремясь последовательно провести принцип тождества мышления и бытия, Гегель рассматривает мышление (абсолютную идею) не как неподвижную, неизменную первосущность, а как непрерывно развивающийся процесс познания, восходящий от одной ступени к другой, более высокой. В силу этого абсолютная идея не только начало, но и развивающееся содержание всего мирового процесса. В этом смысл известного положения Гегеля о том, что абсолютное должно быть понято не только как предпосылка всего существующего, но и как его результат, т.е. высшая ступень его развития. Эту высшую ступень развития «абсолютной идеи» составляет «абсолютный дух» - человечество, человеческая история.

Мышление по сравнению с чувственными восприятиями представляет собой высшую форму познания внешнего мира. Мы не можем чувственно воспринимать то, чего уже нет (прошрое), то, чего еще нет (будущее). Чувственные восприятия непосредственно связаны с объектами, предметами, воздействующими на наши органы чувств; наука же обнаруживает, открывает явления, которых мы не видим, не слышим, не осязаем. Однако, как ни велико значение мышления, как ни беспредельны возможности теоретического познания, мышление базируется на данных чувственного опыта и без него невозможно. Гегель в силу свойственной ему идеалистической недооценки чувственных данных не увидел глубокого диалектического единства рационального и эмпирического, не понял, как из чувственных восприятий внешнего мира мышление черпает свое содержание. Содержание мышления (содержание науки), по мнению Гегеля, есть ему одному (одному лишь мышлению) присущее содержание; оно не получено извне, а порождено мышлением. Познание, с этой точки зрения, не есть обнаружение того, что существует вне нас, вне мышления; это - обнаружение, осознание содержания мышления, науки. Выходит, следовательно, что мышление и наука познают свое собственное содержание и познание оказывается самосознанием духа. В конечном итоге Гегель приходит к фантастическому выводу, что человеческое мышление есть лишь одно из проявлений некоего абсолютного, вне человека существующего мышления - абсолютной идеи, т.е. Бога. Разумное, божественное, действительное, необходимое совпадают друг с другом, согласно учению Гегеля. Отсюда вытекает один из важнейших тезисов гегелевской философии: все действительное разумно, все разумное действительно.

Мышление отражает объективную реальность, и, поскольку оно правильно ее отражает, можно говорить о разумном взгляде на мир. Но Гегель отождествляет отражение действительности (разум) и то, что отражается, - объективную реальность. Это тождество мирового разума с многообразным миром явлений, этот процесс мышления, содержит в себе все многообразие действительности, и называется им «абсолютной идеей», с одной стороны, наполняется совершенно реальным природным и историческим содержанием, а с другой стороны, оказывается рафинированным представлением о Боге.

Основной формой мышления является понятие. Поскольку Гегель абсолютизирует мышление, он неизбежно обожествляет и понятие. Оно, по его учению, «есть начало всякой жизни» и представляет собой «бесконечную творческую форму, которая заключает внутри себя всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником». Выступая против материалистического учения о понятии как высшей форме отражения объективной действительности, Гегель ставит с ног на голову действительное отношение между мышлением и бытием: не мышление, говорит он, отражает бытие, а бытие представляет собой воплощение мышления, понятия, идеи.

Итак, исходный пункт гегелевской философской системы - идеалистическое отождествление мышления и бытия, сведение всех процессов к процессу мышления. Действительная история сводится к истории познания, а рост и углубление знаний о мире рассматриваются как развитие самой действительности. Гегель обожествляет процесс познания, сводя его к идеалистическому выводу, что все бытие является сознанием, а дух есть

суть подлинны законы бытия: и природы, и человеческой истории и познания. До Гегеля логика считалась наукой о субъективных (человеческих) формах мышления. Не отрицая необходимости такой научной дисциплины, т.е. формальной логики, как науки об элементарных формах и законах правильного мышления, Гегель ставит перед логической наукой задачу исследовать наиболее общие закономерности развития познания.

Гегель объявляет логику учением о сущности всех вещей. Поэтому в гегелевской «Науке логики» кроме обычных для логики вопросов и понятий, суждений, умозаключений рассматриваются такие вопросы, которыми формальная логика никогда не занималась: вопросы о закономерностях самой действительности, о превращениях количественных изменений в качественные, о соотношении философских категорий и т. д.

Гегелевская постановка вопроса о диалектической логике носит идеалистический характер, поскольку Гегель отождествляет законы природы с законами логики, мышления. Нельзя согласиться с гегелевским пониманием объективности форм мышления, но оно содержит в себе глубокую догадку о том, что различные формы мышления по самой своей структуре аналогичны отношениям и процессам, имевшим место в объективной действительности.

Понятия, по Гегелю, находятся в непрерывном движении, переходят, «переливаются» друг в друга, изменяются. Развиваются, превращаются в свою противоположность, обнаруживая внутренне присущие им противоречия, которые и составляют движущую силу их развития. Развитие понятий, идет от абстрактного к конкретному, от одностороннего, бедного содержанием понятия к понятию, все более богатому содержанием, охватывающему в единстве различные, даже противоположные, стороны. Гегель показывает, что количественные изменения приводят к изменениям качественным, совершаются путем скачка, перерыва непрерывности.

Гегелевское учение о диалектике мышления, о взаимосвязи и движении понятий косвенно указывает на содержание и закономерности развития тех реальных материальных процессов, которые вопреки учению Гегеля существуют независимо от познания, от мышления. Конечно, Гегель не мог «выдумать» диалектику понятий: ее действительным источником была реальная диалектика вещей в природе и обществе.

Характеризуя сущность как философскую категорию, Гегель указывает, что к ней следует отнести и то, что отличает явления друг от друга, и то, что одинаково, тождественно в них. Но в противоположность метафизике Гегель утверждает, что тождество и различие не существуют отдельно друг от друга, а представляют собой противоположные, друг с другом связанные моменты сущности. Говоря о тождестве, мы имеем в виду различия, говоря о различии, предполагаем тождество.

Гегель противопоставляет метафизическому представлению об абстрактном, исключающим различия тождестве диалектическое представление о конкретном тождестве, содержащем в себе различия. Понятие абстрактного тождества предполагает существование неизменных, всегда одинаковых вещей. Понятие конкретного тождества, напротив, указывает на то, что каждое явление изменяется, т.е. не остается самим собой, всегда одинаковым, а переходит в другое, содержит в себе это другое как противоположность, отрицание, зародыш будущего.

Характеризуя понятие, Гегель правильно отмечает, что оно не есть только общее. Общее, взято само по себе, вне связи с особенным, т.е. с тем, что отличает одно явление от другого, бессодержательно. В реальной действительности, а, следовательно, и в понятии общее, особенное и единичное также неразделимы, как тождество и различие в сущности явлений. Раскрывая многократность понятия, единство различных сторон в самой действительности, Гегель приходит к выводу, что истина лишь постольку есть истина, поскольку содержит в себе различие. Различия не в том смысле, в котором мы привыкли понимать это различие. Различия имеются между

Активность мышления и всей сознательной, целесообразной практической деятельности людей, преобразующей мир, идеалистически истолковывается Гегелем как творчество, самопознание «абсолютной идеи», обнаруживающей в себе все то, что непосредственно, на поверхности выступает как развитие природы и обществ. Таким образом, признавая развитие и пытаясь дать его картину, Гегель изображает его как процесс познания, осуществляющийся в лоне «абсолютной идеи».

В своем учении о познании Гегель ставит также вопрос об отношении теоретического познания к практической деятельности, пытается вскрыть единство и взаимодействие между теорией и практикой. Развивая положение Канта и Фихте об активности познающего мышления, Гегель показывает, что преобразование действительности и познание ее составляют единый процесс. В этом отношении Гегель идет дальше материалистов 17-18 вв., которые рассматривали процесс познания созерцательно, т.е. преимущественно как воздействие предмета на познающий субъект и соответственно восприятие этого воздействия субъектом. Марксистское понимание практики в корне противоположно гегелевскому, поскольку для диалектического материализма практика есть применение материальных средств с целью изменения и познания материальной действительности. По Гегелю же, практика есть деятельность мышления, а в конечном итоге космическая деятельность «абсолютной идеи», которая творит мир, познавая себя.

Логический процесс развития завершается у Гегеля понятием «абсолютной идеи», которая вначале «отжуждает» свое бытие, сообщает ему движение, в результате которого бытие становится содержательным. Затем она обнаруживает себя как сущность, как понятие и, наконец, благодаря развитию понятия как «абсолютная идея», которая выступает как систематическое, многообразное единство всех сторон, логических определений, характеризует не только мир как целое, но и его познание. И это первые пять основных понятий, существующих во всех предсказательных системах в самом начале. В Ретрархе это первые пять рун. «Абсолютная идея» - двадцать вторая руна, движение - первая, бытие - вторая, содержательное бытие - третья, сущность - четвертая, систематическое единство и многообразие - пятая руна.

Если логика, по Гегелю, есть «наука об идее в себе и для себя», то философия природы характеризуется им как «наука об идее в ее инобытии». Гегель не объясняет, как происходит переход от «чистой» логической идеи к природе, он просто декларирует, что «абсолютная идея», познав свое собственное содержание, «решается из самой себя свободно отпустить себя в качестве природы». Значит ли это, что было время, когда еще не существовало природы и «абсолютная идея» существовала сама по себе, так сказать, в чистом, обнаженном виде? На этот вопрос у Гегеля нет сколько-нибудь убедительного ответа. «Абсолютная идея», по Гегелю, существует вне времени, природа также не имеет начала во времени. Как же можно в таком случае утверждать, что «абсолютная идея» предшествует природе? Ведь и сам Гегель вынужден признать, что «дух есть дух, лишь, будучи опосредствован природой». И, тем не менее, Гегель солидаризируется с христианским догматом о сотворении мира Богом из ничего. Он лишь переделывает его на свой лад для согласования с основными положениями своей идеалистической системы. Поэтому Гегель говорит: «Мир сотворен, сотворятся и теперь, и был вечно сотворен; эта вечность выступает перед нами в форме сохранения мира».

Главными формами природного бытия «абсолютной идеи» являются механика, физика, органика. Характеризуя механику, Гегель рассматривает пространство, время, материю, движение, всемирное тяготение. Идеалистически истолковывая эти основные понятия механики, Гегель пытается логически вывести материю из времени и пространства. При этом он все же вынужден признать, что не существует пустых, незаполненных времени и пространства, из чего, вопреки его идеалистическому утверждению, следует, что время и пространство представляют собой формы существования материи.

вскрыть связь между этими процессами и показать, что все они образуют последовательный иерархический ряд обнаружений порождающей их духовную сущность. В этой части натурфилософии Гегеля много произвольных допущений, необоснованных утверждений, наглядно свидетельствующих о неспособности идеализма научно обобщить данные естествознания. Гегель отвергал в основном уже сложившееся в его время представление о химическом процессе как о взаимодействии атомов, он отрицал также и тот факт, что вода состоит из водорода и кислорода. Он также подходит к пониманию электричества как особой формы движения материи.

Третья часть философии природы - органика - посвящена вопросам геологии, ботаники и зоологии. Здесь Гегель стремится показать, что переход от неживого к живому есть завершение природного процесса: «Дух выходит, таким образом, из природы». Это значит, что природа есть лишь низшая ступень обнаружения и самопознания «абсолютной идеи»; свое высшее адекватное воплощение «абсолютная идея» получает лишь в человеке, в развитии общества. Однако Гегель не признает реального процесса развития органической материи и живых существ: все эти природные формы, по его мнению, есть порождение «абсолютной идеи».

Философия природы Гегеля, несмотря на отдельные содержащиеся в ней глубокие диалектические догадки, весьма далека от действительно диалектического понимания природы как единого связного целого, изменяющегося, развивающегося на основе внутренне присущих ей противоречий.

В силу своего идеалистического характера философия природы Гегеля оказалась наиболее слабой частью его системы. В ней особенно резко выразилось противоречие между идеализмом и науками о природе, невозможность примирения идеалистического истолкования природы с ее научным исследованием. Ввиду исходных идеалистических посылок своей философии Гегель вынужден был рассматривать природу как «конечную» сферу существования «абсолютной идеи», приписывая природе ту ограниченность, которая была свойственна лишь тогдашним естественнонаучным представлениям. Поэтому Гегель не смог преодолеть и метафизического, механистического понимания природы, хотя в ряде вопросов он стоял выше современных ему естествоиспытателей и подвергал критике их узкий эмпиризм и метафизически-механистический подход к явлениям природы.

Третья часть философской системы Гегеля - философия духа - посвящена рассмотрению «абсолютной идеи» на заключительном этапе ее развития, когда она, покидая природу, «возвращается» к самой себе в качестве «абсолютного духа», т.е. «абсолютной идеи», преодолевшей свое «отчуждение», снявшей свое отрицание (природу) и развивающейся как самосознание человечества на всем протяжении всемирной истории. В природе, по Гегелю, духовное содержание находится в постоянном конфликте с ограниченной и инертной материальной формой. Философия духа Гегеля есть идеалистическое учение о развитии индивидуального и общественного сознания, об умственном развитии человечества вообще. Поэтому история человечества, сведенная к истории его духовного развития, оказывается, в конечном счете, историей познания и самопознания.

Философия духа состоит из учения о субъективном духе (антропология, феноменология, психология), учения об объективном духе (право, нравственность, государство) и учения об абсолютном духе как высшей ступени самопознания «абсолютной идеи» (искусство, религия, философия).

В антропологии речь идет об индивидуальном развитии человеческой личности, об отношении души и тела, о расовых различиях, различии человеческих возрастов, о здоровье и болезненном состоянии человеческого организма, о характере, темпераменте и т. п. Характеризуя отличие человека от животного, Гегель вслед за французскими просветителями указывает на первостепенное значение прямохождения, давая, однако, чисто идеалистическое

возрасту. Взрослый человек, мужчина, по мнению Гегеля, «работает в пользу дела, а не во вред ему, заинтересован в сохранении существующего порядка, а не в разрушении его...».

Последующее развитие индивидуального сознания Гегель прослеживает в феноменологии и психологии. Здесь он приходит к заключению, что в основе индивидуального сознания лежит «объективный дух». Это понятие охватывает, по Гегелю, правовые и нравственные отношения, к которым немецкий идеалист относит также семью, гражданское общество и государство. Нравственность, таким образом, идеалистически истолковывается как внутреннее содержание и движущая сила не только правовых, но также материальных и политических отношений, различные формы которой рассматриваются как необходимые стадии развития объективного нравственного духа. И здесь действительные отношения ставятся Гегелем с ног на голову. Однако в гегелевском понимании нравственности, несомненно, имеется и глубокая догадка об объективном характере ее развития, о связи этого процесса с развитием всей совокупности общественных отношений.

Поскольку сущностью духа, согласно Гегелю, является свобода, то право определяется как осуществление, непосредственное бытие свободы. С этой точки зрения право противопоставляется феодальному произволу. Однако Гегель не видит классового характера правовых отношений, отражающего волю господствующего класса. Важнейшим выражением права является, по Гегелю, частная собственность, которая рассматривается не как определенная историческая форма общественных отношений, а как необходимое, субстанциальное воплощение свободы.

Гегель выводит из понятия права основные черты «гражданского общества», ставя с ног на голову действительные отношения между экономическим строем и надстройкой. Государство он характеризует как высшее развитие объективного нравственного духа и подлинную основу экономических отношений, в чем также наглядно проявляется свойственное Гегелю идеалистическое понимание общественной жизни. В рамках этой идеалистической конструкции Гегель часто высказывает глубокие догадки относительно действительной сущности общественных отношений.

История человечества изображается Гегелем как прогресс сознания свободы, которая, по его мнению, составляет внутреннюю природу человека, но лишь постепенно, на протяжении многовековой истории осознается человеком, благодаря чему он и действительно становится свободным.

Всю мировую историю Гегель разделял на три основные эпохи: восточную, античную и германскую. В восточном мире человек еще не осознал, что свобода составляет его сущность, поэтому здесь, по утверждению Гегеля, все - рабы. В античном мире (Древняя Греция и Рим) некоторые уже осознали, что свобода образует их сущность: они-то и свободны в отличие от тех, которые не осознают этого и поэтому остаются рабами. Как идеалист Гегель фактически игнорирует связь рабства с определенными экономическими условиями. Он выводит рабство из сознания людей. В основе рабства лежит, следовательно, рабское сознание, действительное отношение поставлено здесь на голову, бытие выводится из сознания. Лишь в германском, или христианском, мире все, по мнению Гегеля, сознают свою духовную сущность, и поэтому здесь все свободны.

Искусство, религия и философия, по учению Гегеля - высшие формы самосознания «абсолютного духа»: в них завершается всемирная история, и мировой разум полностью осознает себя и само удовлетворяется. Философию Гегель рассматривал как наиболее глубокое выражение истины, противопоставляя ее в этом отношении религии. Однако и религия, по мнению Гегеля, содержит абсолютную истину, но лишь в форме чувственного, так сказать наивного, образного представления. Поэтому, хотя философия, по Гегелю, выше религии, содержание философии, в конечном счете, совпадает с содержанием религиозного учения, поскольку и там и тут предметом познания оказывается «абсолютная идея», выражающая в

зависит от предмета исследования. Метод - отражение реальной связи, движения, развития явлений объективного мира.

И в этом смысле система Ретрарх вправе рассматриваться как метод познания. Во многом перекликающаяся с философией Гегеля, и даже как претендующая на прикладную протофилософию, система Ретрарх может рассматриваться как особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности (бытия) и познания, бытия человека, об отношении человека и мира.

Вот основные обобщающие понятия системы Ретрарх.

1. Первая руна. «Первотворчество».

Идея . Слово. Первый Маг. Начало рождения «эго». Оно пока не существует в прямом смысле. Полуобъект, мысль энергетическая, эмоциональная составляющая будущего объекта. Воля, готовая воплотить себя в материи. Определить путь её развития. Она необязательно в состоянии найти материю, способную её принять. Она может быть слаба или несвоевременна. Она может появиться, чтобы не воплотившись умереть.

2. Руна вторая. Творящая материя.

Проходит некоторое время и первотворчество находит материю для своего воплощения и сближается с ней. С этого момента начинается процесс взаимодействия двух первичных сил. Если эти Силы достаточно близки и созвучны, если между ними конфликт интересов минимален, они соединяются и взаимодополняют друг-друга. Из составляющих материи при определенном влиянии воли может возникнуть объект. Взаимодействие двух материй могут войти в диссонанс.

3. Третья руна. Перворождение.

Преодолен конфликт интересов. Но может оказаться, что в воплощенный объект вложено недостаточно материи либо энергии для его самостоятельного существования. Или недостаточно того и другого сразу. На этом этапе воля и материя уже стали единым целым, но еще не обрели индивидуальность. Оценивается наполнение объекта и определяется направление его развития.

4. Четвертая руна. Волеисполнение.

Сбалансированы энергия и материя. Их синтез состоялся. С этого момента они становятся индивидуальностью. Она сформирована и ей предстоит дальнейшее развитие. Самостоятельное развитие с полной свободой личной воли, осознающей на этом этапе.

5. Пятая руна. Рождение.

Процесс осознания личной свободы воли приводит к формированию личности из индивидуальности. Энергия и материя становятся внутри личности не первосоставляющими, а двумя главными элементами этой личности, двумя главными её характеристиками, обретшими самостоятельность от праматерий, выделивших их из себя. Праматерий воли и материи, разума и рассудка. Определяется, по «верхнему» или «нижнему» пути дальше пойдет созданное. По пути творчества или по пути воплощения известных схем.

6. Шестая руна. Взаимодополнение.

Строительству приоритета воли или приоритета материи. Воля и материя и их объединение, объединились в индивидуальность, взаимодополняя друг-друга. Закончилось формирование, произошло самоопределение. Произошло объединение с Миром, творчеством, мировым

планирование первично. В последующем оно подлежит проверке.

8. Восьмая руна. Определение.

Планы и пути созданного не обязательно вписываются в существующую структуру Порядка. Они должны пройти проверку на соответствие. Личные планы не обязательно вписаны в Порядок, но если не противоречат его планам, Порядок может позволить их осуществить.

9. Девятая руна. Поиск.

Предыдущая задержка приводит к временной остановке движения и поиску путей и знаний для дальнейшего развития. Это сложный долговременный процесс, который может привести к пересмотру всего отрезка жизни, который уже пройден. На этом этапе приходят ответы на все вопросы, которые не давали покоя, возможно, много лет.

10. Десятая руна. Путь.

Получение необходимых для развития знаний приводит к включению в Планы порядка и успешному движению к выбранным идеям. Начинается полное взаимодействие со всем окружающим. Если личность согласилась с теми задачами, которые предстоит преодолеть.

11. Одиннадцатая руна. Управление.

Начало взаимодействия приводит к получению контроля над силами, необходимыми для управления составляющими выбранного пути. Этот период – период обучения взаимодействию с доступными силами и видимым окружением.

12. Двенадцатая руна. Напряжение.

Управление составляющими, приводит к необходимости отсева части составляющих из-за их большого объема, требующего постоянного внимания, разделения их на главные и второстепенные. Требующие постоянного внимания и те, контролем над которыми можно пренебречь из-за их малой значимости. Необходимо снять напряжение, возникшее из-за нехватки сил для контроля, за всеми объемами составляющих. Сосредоточиться на исполнении главного.

13. Тринадцатая руна. Перерождение.

Определение главного и второстепенного, отсев лишнего вновь возникающего приводит к возникновению новой формы существования, сбалансированной формы, которой суждено дальше развиваться. Из хаоса планов и переживаний эта форма на этом этапе превращается в нечто упорядоченное.

14. Четырнадцатая руна. Успокоение.

Предыдущие этапы потребовали большого расхода сил и потому этот период- период сдержанного, экономного их расхода для восстановления и набора сил. Новая форма существования требует новой модели, структуры сил и их расходования.

15. Пятнадцатая руна. Материализация.

После предыдущих этапов упорядочения существующего приходит необходимость сосредоточить свою деятельность внутри материального плана. То есть того, что будет его поддерживать, обеспечивать материально для достижения основных целей, реализации главных задач.

16. Шестнадцатая руна. Прорыв.

Увеличение материальной составляющей, приводит к скачкообразному качественному изменению. Идеи поддерживает теперь материальный план. Фундамент, на котором строится дальнейшее движение.

нематериальных механизмах развития и возможность управления этими механизмами, обучение этому управлению, внутреннему чувствованию.

19. Девятнадцатая руна. Сияние.

После скачка в развитии наступает период удачи, счастливого существования созданного.

20. Двадцатая руна. Суждение.

Проверка оценкой достижений и состояния созданного для определения степени будущего единения с Миром. Исправление ошибок.

21. Двадцать первая руна. Бытие.

Наконец приходит этап осуществления всех планов, желаний и надежд.

Письменность протославян и второе правило Декарта.

Написание основного текста Книги Перемен относят к седьмому веку до нашей эры, германо-скандинавские руны были созданы в первом - втором веке нашей эры, Таро – 14 век нашей эры, по некоторым утверждениям – тринадцатый. Источник (именно источник, а не сама Каббала) происхождения Каббалы, лежащей в их основе, относят к тому же веку что и происхождение Книги перемен. Простославянские руны, ретринские руны, соотносимые с системой Ретрарх, по исследованиям лингвистов относятся к восьмому веку до нашей эры. Причем наши предки с помощью этих рун «чертаху и гадаху». Вот и получается, что использование знаков именно для гадания началось с возникновением ретринских рун. В седьмом – восьмом веках до нашей эры и появились все известные ныне способы гаданий с помощью предсказательных систем. А не тогда ли были заложены и основы современной философии? И вот обо всем этом мы и поговорим теперь подробнее.

Одним из важных источников по истории славянской письменности является «Сказание о письменах», написанное в конце IX – начале X века неким черноризцем (монахом) Храбром. «Сказание» это было довольно популярно во времена средневековой Руси, об этом свидетельствует количество дошедших до нас списков «Сказания». Из 73 сохранившихся рукописных списков XIV-XVIII веков более половины – древнерусского происхождения.

Это сочинение древнеболгарского книжника написано

на церковнославянском языке и рассказывает об особенностях славянской азбуки, об условиях ее возникновения. Сказание было посвящено доказательству того, что славянское письмо, созданное Константином-Кириллом, ничем не уступает греческому и, более того, способно передать все особенности славянского языка; в частности, в славянской азбуке были буквы для обозначения специфических славянских звуков. Вот начало этого произведения:

«Прежде ведь славяне не имели букв,
но по чертам и резам читали,
ими же гадали, погаными будучи.
Крестившись, римскими и греческими письменами
пытались писать славянскую речь без устроения.
Но как можно писать хорошо греческими письменами
«Бог», или «зело», или «церковь», или «чаяние»,
или «широта», или «ядь», или «уд», или «юность»,
или «язык», или слова иные, подобные им?
И так было долгие годы.

Потом же человеколюбец Бог, правя всем
и не оставляя человеческий род без разума,
но всех к разуму приводя и к спасению, помиловал род
человеческий,
послал им святого Константина Философа,
нареченного Кириллом,
мужа праведного и истинного.
И сотворил он им букв тридцать восемь....»

То есть начертанные на чем-либо использовались как письменность, а вырезанные на чем-либо как сакральные знаки для гаданий. Ну, еще и для оформления сакральными символами например одежды, жилищ, капищ. А это значит, что гадали наши предки со времени изобретения своих символов.

Четыре правила Декарта, если следовать от сложного к простому, в полной мере относятся и к проблеме возникновения письменности у древних славян, каким образом станет понятнее, и к проблеме первородства предсказательных систем. Но о первородстве позже. Из фрагмента «Сказания» понятно, что Кирилл и Мефодий не создавали новую азбуку, а усложнили существующую. А все идет от простого к сложному.

Декарт с самого начала хотел предложить, «четкие и легкие правила, которые не позволят тому, кто ими будет пользоваться, принять ложное за истинное и, избегая бесполезных умственных усилий, постепенно увеличивая степень знания, приведут его к истинному познанию всего того, что он в состоянии постичь». В «Рассуждении о методе» ученый сводит число методов к четырем; причина такого сокращения называется самим Декартом: «Поскольку большое число законов часто служит лишь предлогом для их незнания и нарушения, то чем меньше законов имеет народ, тем лучше он управляем, – при условии строгого соблюдения этих законов; и я подумал, что вместо множества законов логики,

мне достаточно следующих четырех – при условии твердого и неукоснительного соблюдения их безо всяких исключений».

1). Первое правило, оно же и последнее, поскольку не только отправной, но и конечный пункт – это правило очевидности, которое Декарт формулирует следующим образом: «Никогда не принимать ничего на веру, в чем с очевидностью не уверен; иными словами, старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению». Это не просто правило, но фундаментальный нормативный принцип, именно потому, что все должно сводиться к ясности и отчетливости, в чем и заключается очевидность. Говорить о ясных и отчетливых идеях и говорить об идеях очевидных – одно и то же. Но каково умственное действие, посредством которого достигается очевидность? Это интуитивное действие, или интуиция, которой Декарт дает определение в «Правилах», представляет собой «не веру в шаткое свидетельство человеческих чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но прочное понятие ясного и внимательного ума, порожденное лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция». Итак, речь идет о действии, которое служит себе и основой, и подтверждением, ибо оно не опирается ни на что иное, как на взаимную про-

зрачность интуитивного действия. Речь идет о ясной и отчетливой идее, отражающей «чистый свет разума», еще не согласованной с другими идеями, но увиденной самой собой, интуитивно данной и не доказанной. Речь идет об идее, присутствующей в уме, и об уме, открытом идее без какого бы то ни было посредничества. Достичь этой взаимной прозрачности – цель трех других правил.

2). Второе правило: «Разделять каждую проблему, избранную для изучения, на столько частей, сколько возможно и необходимо для наилучшего ее разрешения». Это защита аналитического метода, который только и может привести к очевидности, ибо расчленяя сложное на простое, он светом разума изгоняет двусмысленности. Если для определенности необходима очевидность, а для очевидности необходима интуиция, то для интуиции необходима простота, достижимая путем расчленения сложного «на элементарные части до пределов возможного». В «Правилах» Декарт уточняет: «Мы называем простым только то, знание о чем столь ясно и отчетливо, что ум не может разделить их на большее число частей». Большие завоевания достигаются постепенно, поэтапно, шаг за шагом. Здесь нет места претенциозным обобщениям; и если всякая трудность вызвана смешением истинного с ложным, то аналитический ход мысли должен способствовать освобождению истинного от шлаков лжи.

3). Разложения сложного на простое недостаточно, поскольку оно дает сумму отдельных элементов, но не проч-

ную связь, создающую из них сложное и живое целое. Поэтому за анализом должен следовать синтез, цель третьего правила, которое Декарт все в том же «Рассуждении о методе» определяет так: «Третье правило заключается в том, чтобы располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.» Итак, следует вновь соединить элементы, в которых живет одна сложная реальность. Имеется в виду синтез, который должен отталкиваться от элементов абсолютных, независимых от других, продвигаясь к элементам относительным и зависимым, открывая дорогу цепи аргументов, освещающих сложные связи. Имеется в виду восстановление порядка построением цепочки рассуждений от простого к сложному, не без связи с действительностью. Если бы даже этого порядка не существовало, его следует принять в форме гипотезы, наиболее подходящей для интерпретации и выражения реальности. Без очевидности не было бы интуиции, а переход от простого к сложному необходим для акта дедукции. В чем важность синтеза? «Может показаться, что при этой двойной работе не появляется ничего существенно нового, если в конце концов мы получаем тот же предмет, с которого начинали. Но в действительности это уже не тот же самый предмет. Реконструированный комплекс стал прозрачным

под лучом прожектора мысли. Первое – это грубый факт, второе – знание, как он сделан; между ними двумя – посредник-разум» (Де Руджеро).

4). И, наконец, чтобы избежать спешки, матери всех ошибок, следует контролировать отдельные этапы работы. Поэтому в заключение Декарт говорит: «Последнее правило – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено». Итак, перечень и обзор: первый контролирует полноту анализа, второй – корректность синтеза. Об этой необходимой предосторожности от какой-либо поверхностности мы читаем в «Правилах»: «Следует постоянным непрерывным движением мысли просматривать все, имеющее отношение к нашей цели, охватывая его достаточно упорядоченным перечнем»

И вот и переходим к простому в письменности. В частности к основам теории письма.

О возникновении славянской письменности на бытовом уровне, уровне массового сознания, ясно всё. Не без помощи существующей системы образования утвердились расхожие стереотипы, сводящиеся к следующему: славянский алфавит создан в 60х годах IX века братьями Константином (Кириллом в монашестве) и Мефодием. Отсюда и берёт начало славянское письмо, именуемое кириллицей. До этого времени славяне были народом бесписьменным. Более эрудированные люди могут даже припомнить слова черноризца

Храбра, относящиеся к X веку, а то и к рубежу IX – X веков. (уж более достоверного свидетельства и не найти), казалось бы, подтверждающие вышеуказанные утверждения. Хотя с работой Храбра «дьявол в деталях» и тонкости в переводах.

Однако остановимся. Пока ничего не будем опровергать. Скажем мягко, уважаемый читатель или слушатель, что все только что воспроизведённые «постулаты» отнюдь постулатами не являются. Всё это не аксиомы, а теоремы, причём не доказанные.

Тема настоящей книги требует от нас несколько отвлечься от славянского письма и уделить внимание некоторым теоретическим вопросам, связанным с письмом вообще. Подобный уход в сторону необходим для понимания излагаемого в дальнейшем материала.

Итак, как возникла письменность, как она развивалась, какие стадии прошла в своём развитии?

Человечество не знало письма на протяжении большей части своей истории. Принято считать, что применение знаков для записи речи началось около шести тысяч лет назад, т. е. в четвёртом тысячелетии до нашей эры.

Однако в 1961 году в Трансильвании, у маленького румынского посёлка Тэртирии, археологи нашли три глиняные таблички с загадочными рисуночными знаками. В знаках этих многие исследователи видят письмо. Но поскольку таблички датируются пятым тысячелетием до нашей эры, то

приходится видеть в них памятники древнейшей на Земле письменности.

Первым шагом к созданию письма было использование предметов – сначала в качестве мнемонических, т. е. «напоминательных», средств. Они не передавали мысль, а только напоминали о ней. Потом за предметами стали закреплять конкретное значение. Они являлись своего рода сигналами, условными знаками, обозначавшими то, о чём заранее оговорено. Такими условными знаками служили зарубки на бирках или деревьях, узлы, шнуры, стрелы для объявления войны, «жезлы вестников» и прочие предметы. Этот способ закрепления значений носит название «предметное письмо». Если вспомним послание скифов Дарию I, то увидим типичный случай применения предметного письма. Но предметное письмо не могло передавать большого количества информации. Также слишком трудно, а то и попросту невозможно передавать посредством его накопленные знания последующим поколениям.

Поэтому люди продолжали совершенствование способов передачи информации. Дальнейшую эволюцию можно назвать «движением от рисунка к букве».

Пиктография, или письмо в рисунках, стала следующей ступенькой на пути к современному письму. Она применялась многими народами на стадии родового общества. Зародившись в недрах первобытного искусства в эпоху позднего палеолита (40—10 тыс. лет назад), пиктографическое

письмо окончательно сформировалось в эпоху неолита, когда разрозненные родовые группы стали объединяться в племена.

Как нам кажется, в трактовке сути пиктографии и стадий её развития у исследователей имеются разночтения. Так, часть из них, например В. С. Драчук, считают, что пиктограмма изображала только законченную мысль, мысль целиком, без членения на отдельные понятия, элементы (части речи). При таком взгляде закрепление за каждым предметом или понятием отдельного знака-рисунка рассматривается как переход к идеографии, более высокой стадии развития письма.

Другие учёные такое закрепление рассматривают лишь как стадию развития рисуночного письма, хоть и более высокую. Таким образом, идеограммы рассматриваются ими как более совершенные пиктограммы. Отношение к пиктографии у таких учёных весьма, если можно так выразиться, сдержанное. Они считают, что рисунки-пиктограммы даже на стадии их закрепления за определёнными предметами не были неразрывно связаны с конкретным словом определённого языка. Таким образом, пиктографические «надписи» представляют собой всего лишь «рассказы в картинках», а не памятники настоящего письма, призванного фиксировать формы звуковой речи. Пиктография – сугубо мнемоническое средство. Однако такая ступень её развития, как идеография, позволила закрепиться за знаками, обозначаю-

щими определённые предметы и понятия, постоянным фонетическим значениям целых слов, т. е. превратила их в однозначно читаемые логограммы, что и представляло собой принципиально новый этап в развитии письменности.

Таким образом, можно видеть, что разность в трактовке пиктографии влечёт за собой и разные оценки идеографии (дословно – «письмо идей»). Более того, указанные различия, на наш взгляд, обусловлены несхожим пониманием самой сути письма. Если представители одной точки зрения склонны видеть письмо уже там, где информация фиксируется на каком-либо носителе или, по крайней мере, с момента закрепления определённых знаков для обозначения отдельных предметов и понятий, вычленения отдельных элементов из общей мысли, выраженной пиктограммой (т. е. со стадии идеографии), то представители второй увязывают начало письма с фонетизацией знаков, т. е. когда за знаком закрепляется слово, представляющее определённый звуковой набор, присущий данному языку (стадия логограмм).

Однако как бы там ни было, какую бы точку зрения ни принимать, идеограмма – это безусловный шаг вперёд на пути к современному письму.

Система идеографических знаков упорядочивалась, как принято считать, уже в масштабе государства, которое нуждалось в устойчивом и точном письме для целей управления. В ряде стран (Египте, Шумере, Китае, на острове Крит) идеография возникает на одной и той же стадии развития об-

щества, вместе с рабовладельческим государством, в недрах которого и достигает высокой степени совершенства. По сути, совершенствовалась уже логография (дословно – «письмо слов»), так как систематизирующая деятельность государства в этой сфере должна была окончательно завершить процесс закрепления за знаками постоянных фонетических значений целых слов. То есть иероглифы Китая, Египта, Крита, клинопись Междуречья – это логограммы.

Логографическое письмо не только передавало содержание сообщения, но и выявляло словарный состав языка и даже присущий ему синтаксический строй.

Начертание знаков-логограмм постепенно упрощалось, всё больше уходя от своего прототипа. Абстрактные понятия передавались либо теми же знаками, что и связанные с ними конкретные (например, в Древнем Египте слова «воин» и «сражение» изображались при помощи двух рук: одна держит щит, а другая – копьё); либо посредством изменения и сочетания знаков, передающих конкретные понятия (в шумерском языке сочетание знаков «хлеб» и «рот» означало «есть»). В первом случае ясно, что значение логограммы должно быть угадано из контекста предложения (сообщения).

Но, справляясь с обозначением абстрактных понятий, логография не могла указывать грамматических форм слов, отчего страдала точность передачи связи между понятиями. Другой крупный её недостаток – многозначность (ты-

сячи, а то и десятки тысяч знаков). И, наконец, настоящей проблемой стала передача на письме имён собственных иностранного происхождения. Выход, найденный для решения этой проблемы, представлял собой «зародыш» новой ступени развития письма в недрах логографии. Речь идёт о «ребусном» методе. Суть его такова: иностранное имя собственное делилось на части таким образом, чтобы по звучанию они совпадали с какими-либо словами. Из набора логограмм этих слов и составлялось имя. Кстати заметим, что представители первой из указанных точек зрения на суть письма только такую запись и считают логограммой: «Такая запись уже отражает звуковую сторону языка, прочно связана со звучащим словом и поэтому называется логограммой (в отличие от идеограммы, которая связана только со значением и может быть прочитана на любом языке)».

Со своей стороны (придерживаемся второй точки зрения) скажем, что это определённые зачатки слогового письма, вычленение из слова слога.

Слоговое письмо – следующий шаг в развитии письменности, принципиально новый. С позиций нашего времени, с «высоты веков», если можно так выразиться, всё кажется простым. Ещё с дошкольного возраста, учась читать, мы привыкли делить слова на слоги. Но тысячелетия назад всё было по-другому. Чтобы впервые расчленить значащую целостность слова на ничего не значащие части, нужно отделить звуковую оболочку от смысла, как от чего-то малосуше-

ственного, хотя именно ради передачи смысла слово и существует. Около двух тысяч лет потребовалось для этого человечеству. Если первые идеографические (логографические) системы стали возникать в IV—III тысячелетиях до нашей эры, то слоговые появились только во втором-первом тысячелетиях до нашей эры, как принято считать, то есть это общепринятая точка зрения, но не единственная.

Как бы там ни было, человечество сделало этот трудный шаг, требующий высокого уровня абстрактного мышления.

Набор слоговых знаков именуется силлабарием, сам слоговый знак – силлабограммой, а слоговое письмо – силлабографией.

По сравнению с идеографической (логографической) слоговая система была удобнее для обучения и употребления. Она делала письмо более компактным, поскольку насчитывала от двух-трёх сотен знаков до нескольких десятков (это уже далеко не тысячи), точнее отражала фонетический и грамматический строй языка.

Но всё же принцип слогового построения письма оправдывал себя только в случае, если язык «собирался» из немногих слогов либо структура этих слогов была весьма простой. Так, например, язык минойцев (догреческих обитателей острова Крит) состоял из слогов типа С (согласный) + Г (гласный) или Г («чистый» гласный), не допускал накопления или удвоения согласных перед гласными. Всё это позволило минойцам создать силлабарий из 60—70 знаков. Ес-

ли же указанные условия отсутствовали, то и слоговая письменность оставалась громоздкой и сложной.

Поэтому дальнейшее развитие письма пошло по пути всё большего дробления звукового потока, до самой мелкой частицы – звука.

На пути к звуковому (или буквенно-звуковому) возник ещё один тип письма, который можно рассматривать как промежуточный между слоговой и буквенно-звуковой системами – консонантное письмо, при котором пишутся только согласные. Например, словосочетание «князь Святослав» будет выглядеть так: кнз Свтслв. Набор знаков консонантного письма, так же как и звукового, именуется алфавитом, сам знак, опять же как и в звуковом, – буквой.

Первый алфавит создали финикийцы во II тысячелетии до нашей эры. Был он алфавитом консонантным: состоял из 22 букв, обозначавших согласные звуки или слоги, состоящие из согласного и гласного звуков. Финикийский язык принадлежал к семейству семитских, в которых главную роль играли согласные. Из них составлялись корни слов. Гласные же выражали главным образом грамматические связи и формы слов. Передавались гласные не буквами (т. е. в алфавит не входили), а вспомогательными знаками, которые могли указать, какой гласный звук должен следовать за тем или иным согласным (т. н. «матери чтения»).

Венцом развития письма является звуковое (буквенно-звуковое, буквенное; все три понятия синонимичны)

письмо. Принято считать, что последний шаг к нему сделали древние греки, выделив гласные звуки и введя для них в алфавит, заимствованный у финикийцев, специальные буквы. Произошло это в I тысячелетии до нашей эры. Буквенное письмо обеспечивает наиболее точную передачу звуков речи, грамматических форм, сравнительно легко в усвоении, так как состоит в среднем из 30—40 знаков.

Итак, схема развития письма такова: пиктограмма – идеограмма (логограмма) – слог – буква. Или несколько иначе, отталкиваясь не от знака, а от системы знаков: пиктография – идеография (логография) – силлабография – консонантное письмо – буквенное письмо.

Впору задаться вопросом: «А насколько указанная схема эволюции письменности всеобща?» Формулируя более развернуто: могли ли народы, имеющие письменность, «перескочить» через какой-либо из указанных этапов? Обязательно ли одна стадия развития выливается в другую? Если да, то почему? Если нет – тоже почему?

Конечно, отвечая на поставленные вопросы, мы должны учитывать два фактора: 1) особенности языка того или иного народа; 2) исторические условия.

Начнём со второго. Исторические условия оказывают огромное влияние на движение по «эволюционной лестнице» письменности. Бесписьменные народы могут позаимствовать письмо у более цивилизованных соседей, минуя определённые ступени развития письма. Так, древние греки

позаимствовали у минойцев островов Крит и Кипр их слоговые системы письма (линейное А и кипро-минойское письмо) и создали на их основе собственную письменность (линейное Б и классический кипрский силлабарий). С течением времени эти письменные системы были вытеснены более совершенным буквенным письмом, созданным на основе финикийского консонантного алфавита. То есть, зная, наверное, пиктографию, как практически всякий первобытный народ, в смысле рисунков, передающих целую мысль, рассказывающих о событии, греки «проскочили» стадию идеограмм и логограмм, перейдя к слоговому письму. А вот славяне, по установившемуся мнению, не знали и последнего и обрели сразу буквенно-звуковую письменность (созданную на основе греческого и латинского алфавитов), миновав, таким образом, целых три ступеньки «эволюционной лестницы» письма.

В то же время письменность из-за исторических условий может ни во что не развиваться (например, из-за природных и военных катастроф, приведших к быстрой гибели или угасанию цивилизации, и других причин). Так, в древнеегипетской, шумерской, ассиро-вавилонской, древнеперсидской и других логографических системах письменности уже выделялись слоги. Обычно в слоги превращались односложные логограммы («ребусным» способом). Однако эти древнейшие письменности в силу исторических обстоятельств вышли из употребления, так и не успев преобразоваться

в слоговые.

Но давайте повнимательнее присмотримся к историческим условиям.

Мы видим, что китайская логография существует по сей день (т. е. уже пятое тысячелетие). И это при том, что в Китае предпринимались неоднократные попытки создать азбуку, которая могла бы передавать звучание китайской речи. А вот критская иероглифика, возникнув в конце III – начале II тысячелетия до н. э., очень быстро преобразовалась из логографической в логосиллабическую (т. е. словесно-слоговую) систему. Если учесть, что иероглифика выходит на Крите из употребления не позднее первой половины XVII в. до н. э. и её сменяет силлабарий (линейное А), то существование критских иероглифов как логограмм в чистом виде можно исчислять не более чем двумя-тремя веками, при где-то пяти веках (максимум) употребления иероглифов вообще.

Вывод из приведённых примеров очевиден: помимо исторических условий на эволюцию письма оказывает большое влияние тип языка, на котором говорит народ.

Лингвистика выделяет три типа языков: 1) изолирующие; 2) агглютинативные; 3) флективные. Кратко объясним эти понятия.

Основными признаками изолирующих языков являются неизменяемость слов (отсутствие форм словоизменения) и выражение синтаксических отношений преимущественно посредством порядка слов. Есть и некоторые сопутствующие

признаки: преобладание однослоговости корня и значительные ограничения, наложенные на структуру слога; наличие слоговых музыкальных тонов; возможность для одного слова выступать разной частью речи, т. е. в различных грамматических функциях. Чистых изолирующих языков не существует. Наиболее близкими к этому типу являются китайский, вьетнамский и некоторые языки Западной Африки.

В агглютинативных языках словообразование и словоизменение осуществляются при помощи агглютинации (отсюда и название типа языков).

Последняя же представляет собой образование грамматических форм и производных слов путём присоединения к корню или к основе слова аффиксов, имеющих грамматическое и словообразовательное значения. Аффиксы однозначны, т. е. каждый из них выражает только одно грамматическое значение, и для данного значения всегда служит один и тот же аффикс. Аффиксы следуют друг за другом, не сливаются ни с корнями, ни с другими аффиксами, их группы отчётливы.

К агглютинативным языкам относятся тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, корейский, японский и ряд других языков. Для ясности продемонстрируем словообразование и словоизменение в казахском языке (относится, как известно, к тюркским языкам). Слово «жұмыс» означает «работа». Посредством словообразовательного аффикса «шы» получаем слово «жұмысшы» – «рабочий». Аф-

фикс «лар» отвечает за образование множественного числа последнего слова (т. е. за словоизменение): «ж҃мыслар» – «рабочие».

Группа флективных языков (флектирующих) объединяет языки, в которых словоизменительное и словообразовательное значение выражается преимущественно флексией (от лат. flexio – сгибание, изгиб), под которой понимается показатель комплекса грамматических категорий, выражающихся в словоизменении, и сама система словоизменений, пользующаяся такими показателями.

Флексия бывает внутренней, при которой формы слова образуются изменением звуков внутри основы (например, в немецком: geht – идёт, ging – шёл, der Gang – ход); и внешней, при которой словоизменение идёт посредством синтетических (многозначных) аффиксов (например, слово «рука», форма «рукой»; аффикс «ой» выражает одновременно женский род, ед. ч., творительный падеж). Индоевропейские языки, в том числе славянские, относятся именно к группе флективных языков.

В лингвистике существует представление, что тип письменности в общем и целом соответствует типу языка. Так что изолирующие языки могут использовать логографию; агглютинативные – довольствоваться силлабографией. Что же касается наиболее развитых флективных языков, то им, так сказать, сам Бог велел использовать буквенно-звуковое письмо. Конечно, подобные соответствия надо понимать,

на наш взгляд, только как принцип «наибольшего благоприятствования», т. е. тот или иной тип письма наиболее удобно применять при том или ином типе языка. Это не значит, что не подойдут другие виды письма. Связка идёт не от письма к языку, а от языка к письму. Например, какой-то язык для слоговой письменности наиболее благоприятен, наиболее содействует её сохранению. Но это отнюдь не значит, что буквенное письмо для него неприменимо, неудобно. Применяют же угро-финские и тюркские народы с их агглютинативными языками фонетическое письмо.

То есть можно сделать вывод, что письмо, стоящее на более высокой стадии развития, вполне может быть применимо для языка, который в принципе может использовать и письменность, представляющую собой более низкую ступень эволюции письма.

Тут вроде бы всё ясно. Однако, как нам кажется, нельзя постулировать утверждение, что приведённое выше соответствие «тип языка – тип письма» не может быть нарушено в обратном направлении. Другими словами, что более развитые языки не могут использовать письменность, подходящую для менее развитых языков. Убеждение в этой невозможности в своё время привело к тому, что когда М. Вентрис и Д. Чэдуик в начале 50х годов XX столетия наконец дешифровали критское линейное письмо Б, доказали, что оно служило для записи древнегреческого языка, то это вызвало довольно сильное смятение умов лингвистической обществен-

ности. Приходилось признать, что греки, уже стоя на стадии флективного языка, пользовались слоговой письменностью. А ведь ещё раньше (в 70х гг. XIX в.) был дешифрован классический кипрский силлабарий. Язык надписей, сделанных этим слоговым письмом, также был греческий. И относились надписи уже не ко II, а к I тысячелетию до н. э..

Но если греки с их флективным языком могли использовать для его записи силлабическую систему, то почему это невозможно для других народов с подобным типом языка? Нам кажется, возможно. Безусловно, в таком случае либо необходим очень значительный набор слоговых знаков, либо должно смириться с неточностями и неопределённостями в записи речи. Например, в уже упоминавшемся классическом кипрском силлабарии распространённый в словах греческого языка конечный согласный «s» всегда фигурировал на письме не иначе, как в составе слога «se», а в критском линейном Б от передачи на письме конечного согласного «s» пришлось вообще практически отказаться.

Но, тем не менее, в принципе невозможным употребление слоговой системы для записи флективных языков данные обстоятельства не делают. То же можно сказать и о других типах письма и других типах языка.

Однако основная масса исследователей до сих пор воспринимает связку «тип языка – тип письма» как твёрдо и однозначно заданную. Вот что пишет в этой связи В. А. Истрин применительно к славянским языкам: «...Для славян-

ских языков (помимо первоначального пиктографического письма) удобно и приемлемо только вокализованно-звуковое письмо. Логографическое письмо не смогло бы прижиться у славян, так как славянские языки отличаются богатством и разнообразием грамматических форм. Слоговое письмо было бы непригодно для славянских языков, так как языки эти отличаются многообразием слогового состава и нередкой встречаемостью смежных согласных... Наконец, консонантно-звуковое письмо было бы неприемлемо, так как в славянских языках согласные и гласные звуки выполняют одинаковые функции и, в частности, в равной мере участвуют в образовании корневых основ слов». Таким образом, мы с вами плавно переходим к одной из главных тем нашей книги – славянской письменности.

Ранее уже упоминалось, что слоговое письмо появились во втором-первом тысячелетиях до нашей эры. И в 1984 году появилось непопулярное в академической науке доказательство того что наши предки примерно в это время использовали слоговое письмо. В интервью журналистке «Советской России» О. Плахотной с заявлением о существовании в прошлом славянского слогового письма выступил Геннадий Станиславович Гриневич. Статья О. Плахотной называлась «Праславяне на Крите», и основной её темой была дешифровка знаменитого Фестского диска, которую Г. С. Гриневич осуществил исходя из предположения, что язык диска – праславянский. Напомним, что Фестский диск был об-

наружен в 1908 году итальянской археологической экспедицией под руководством Луиджи Пернье при раскопках царского дворца на акрополе древнего города Феста (отсюда и название диска). Вместе с ним в одном из подсобных помещений дворца была найдена табличка, исписанная критским линейным письмом А. Однако письменность диска отличалась и от критского линейного письма А, и от критского линейного письма В. Многие исследователи пытались дешифровать диск. Есть определённые результаты, но официальное мнение таково: письменность Фестского диска признать расшифрованной нельзя.

Странно и необычно звучит, не так ли? Праславяне и древняя цивилизация Крита, – первая европейская цивилизация. Да, Г. С. Гриневича за его построения часто упрекали в ненаучности, неисторичности и т. п. Заметим, однако, что историческая база в гипотезах Гриневича есть. Подвергался он критике и со стороны филологов и эпиграфистов. Мы не являемся ни филологами, ни эпиграфистами, и нам трудно судить, насколько аргументы критиков Г. С. Гриневича справедливы. Однако полагаем, что как бы там ни было, но точка зрения этого исследователя имеет право на существование.

Но вернёмся к Фестскому диску и приведём полностью перевод Г. С. Гриневича.

Сторона «А». «Горести прошлые не сочтёшь, однако горести нынешние горше. На новом месте вы почувствуете их. Все вместе. Что вам послал ещё господь? Место в мире божьем. Распри прошлые не считайте. Место в мире божьем, что вам послал господь, окружите тесными рядами. Защищайте его днём и ночью: не место – волю. За мощь его радуйте.

Живы ещё чада Её, ведая, чьи они в этом мире божьем».

Сторона «Б». «Будем опять жить. Будет служение Богу. Будет всё в прошлом – забудем, кто есть мы. Где вы побудете, чада будут, нивы будут, прекрасная жизнь – забудем, кто есть мы. Что считать, господи! Рысиюния чарует очи. Никуда от неё не денешься, не излечишься. Ни единожды будет, услышим мы: вы чьи будете, рысичи, что для вас почести; в кудрях шлемы; разговоры о вас.

Не есть ещё, будем её мы, в этом мире божьем».

Не правда ли, красиво? Размышление о судьбе Руси и русичей, которые в диске именуется соответственно Рысиюнией и рысичами. Вполне возможная трансформация племенного имени исходя из названия тотемного животного – рыси. Но диск датируют XVII веком до н. э. Второе тысячелетие до н. э. и Русь, русичи. Да, звучит необычно, невероятно. Возвращаясь непосредственно к Фестскому диску, необходимо заметить, что это далеко не единственный его

перевод. Таковых множество. Дешифровки проводились исходя из предположений, что язык диска семитский, греческий, хетто-лувийский. Но, как отмечалось выше, ни одну из дешифровок пока нельзя признать удовлетворительной. На этом фоне перевод Г. С. Гриневича выглядит очень даже неплохо.

Не останавливаясь на исторических подтверждениях гипотезы Г. С. Гриневича, рассмотрим лингвистические её подтверждения.

Прежде всего заметим, что славянское письмо типа «черт и резов» этот исследователь считает не примитивной пиктографией, а довольно развитой слоговой письменной системой. Им был реконструирован силлабарий, т. е. набор слоговых знаков, которыми пользовались славяне.

1	2	3	4	5	6	7
Б	Ѣ	Ѧ	б	Ѣ	б(-)	бѣ
Г	Ѧ		в	Ѧ	в(-)	во;
Д	Ѧ		г	Ѧ	г(-)	въ=вѣ
Є	Ѧ		д	Ѧ	д(-)	Ѧи
З	Ѧ		е	Ѧ	е	ди
И	Ѧ		ж	Ѧ	ж(-)	е
К	Ѧ		зд,	Ѧ	з(-)	жа,за
Л	Ѧ		зз,	Ѧ	з(-)	зе
М	Ѧ		дз,	Ѧ	з(-)	зь,жь
Н	Ѧ		зз,	Ѧ	и,й	и,й
Р	Ѧ		и,й	Ѧ	к(-)	къ
Т	Ѧ		к	Ѧ	л(-)	лѣ
У	Ѧ		л	Ѧ	м(-)	ме
Ѣ	Ѧ		м	Ѧ	н(-)	не
	Ѧ		н	Ѧ	п(-)	по
	Ѧ		п	Ѧ	р(-)	рѣ=ръ
	Ѧ		р	Ѧ	с(-)	со
	Ѧ		ст	Ѧ	т(-)	ть=тѣ
	Ѧ		у	Ѧ	у	у
	Ѧ		ч	Ѧ	ч(-)	ча
	Ѧ		ш	Ѧ	ш(-)	ше,
	Ѧ		йу	Ѧ	йу	ще
	Ѧ		е	Ѧ	е	йу
	Ѧ			Ѧ		е

В результате из 87 линейных знаков праславянской письменности для 6 знаков, обозначающих гласные, были получены фонетические значения, а для 53 знаков слогов типа СГ (согласный-гласный) установлен согласный». Использовал Г. С. Гриневич и метод акрофонии (озвучивания).

1	2	3	4
ВѢ(пръ)		<	ВѢ
ЗА(йац)		Ж	ЗА
КО(пье)		↑	КО
ЛО(шадъ)		h	ЛО
РЫ(сь)		↑	РЫ
СА(бака)		↑	СА
ЧЕ(ловек)		↑	ЧЕ
ЦЕ(ловек)		↑	ЦЕ
КА(ръкинъ)		N	КА

При этом методе, по существу, просто угадывается пиктографическое значение знака (т. е. предполагается, какой предмет, животное и т. д. данный знак первоначально изображал). Затем это значение отождествляется со словом языка, исходя из которого производится дешифровка. У Г. С. Гриневича это славянский язык. Первый слог или одиночный звук данного слова и принимается за фонетическое значение знака. Акрофоническим способом Г. С. Гриневич прочёл, например, алекановскую надпись. Вот как он описывает процесс этого прочтения: «При чтении алекановской надписи на глиняном горшке, найденном Городцо-

вым В. А. под Рязанью, где знаки носят рисуночный характер и отождествляются с каким-либо предметом, я брал из названий изображённых предметов первый слог: ЗА (заяц), РЫ (рысь), ЦЕ, ЧЕ (целовек, человек). Достаточно отчётливо читались слова ЗАКРЫТ, ЧЕЛО, предлог В. Окончательный текст надписи содержал в себе лишь напоминание хозяйке: НАДОБЕ ЗАКРЫТЬ, В ЧЕЛО ВЪСАДИВЪ».

В принципе даже неспециалисту видны недостатки используемых Г. С. Гриневичем методов. Графическое сходство знаков ещё не означает одинаковости их фонетической нагрузки. Например, восьмиричное «и» кириллицы (И) и буква «н» современного русского алфавита пишутся почти одинаково, но фонетические значения у них абсолютно разные. Что касается акрофонии, то субъективность этого способа получения фонетических значений письменных знаков налицо. Кто-то в данной графеме увидит один предмет, кто-то – другой. Соответственно, и фонетические значения будут разные.

Но Г. С. Гриневич не единственный, кто использует в своих дешифровках указанные методы. Поэтому результаты его работ, как нам кажется, всё же заслуживают внимания. Мы здесь не будем подробно рассматривать достоинства и недостатки переводов этого исследователя, вдаваться в эпиграфические тонкости. Кто интересуется данными вопросами, того отсылаем к работам самого Г. С. Гриневича, а также к книге В. А. Чудинова «Загадки славянской письменности».

Сейчас же продолжим изложение лингвистических аргументов Г. С. Гриневича, касающихся перевода Фестского диска.

Выше мы упомянули об отождествлении Г. С. Гриневичем силлабограмм славянской слоговой письменности с буквами кириллицы и глаголицы. На кириллицу приходится 10 таких тождеств. Однако все эти 10 кириллических букв – буквы греческого алфавита. Всего же в греческом алфавите 24 буквы. Таким образом, 10 знаков славянского письма типа «черт и резов» и греческого алфавита совпадают. Десять из двадцати четырёх – это свыше 40%. Отсюда Г. С. Гриневичем делается вывод, что можно говорить о родстве греческой и славянской письменностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.